

*Посвящается моей маме,
спасибо за веру,
за свободу, за самое лучшее
детство, за все.
Люблю. Сильно. Навсегда.*

**Список правил,
действующих в квартире Чернова:**

1. *Мы не знакомы.* Если кто-то решит обратное, яростно отрицай.
2. *Мы не разговариваем на людях.* См. правило номер один.
3. *Ты готовишь еду, моешь посуду, уборка тоже на тебе.* Пылесос в кладовке, швабра там же.
4. *Я тебя не вижу, не слышу, ты не суешься в мою комнату.* Я в твою могу. Ага. Вот такая несправедливость.
5. *Не влюбляться в меня.* Я серьезно. Не стоит этого делать.

Глава 1

— **С**мотри, какой красавчик!
Мне не хочется даже поворачиваться в ту сторону, куда указывает моя одноклассница и приятельница Надя. Я попала на удочку ее бесконечных уговоров, которыми она терроризировала меня всю неделю.

И где я теперь?

В каком-то подвале на концерте малоизвестной группы, от музыки которой у меня сворачиваются уши. Смотреть на красивых парней — последнее, чего я хотела бы сегодня. Я хочу спать, ведь сейчас три часа ночи, а завтра нам к первой паре. В последнее время я полюбила учиться, потому что это единственное развлечение, которое мне доступно.

— Смотри же. Он пялится прямо на тебя! — шипит Надя, тряхнув кудрявой головой.

Отмахнувшись от ее волос, захватываю губами трубочку, опущенную в стакан с минералкой, которую бармен открыл при мне.

Незнакомые, пусть даже и симпатичные, парни меня совершенно не волнуют, поэтому ни на кого я смотреть не планирую. С недавних пор с парнями

я завязала. Со всеми. По крайней мере, именно так я пытаюсь убедить свое глупое и наивное сердце.

— Василенко, ты пришла сюда парней клеить? Или слушать свой хеви-метал?

— Это инди-рок, — обиженно выдает подруга, надувая щеки.

Это все, что вам следует уяснить о моих познаниях в музыке. Зато я могу рассказать историю искусств от античности до настоящего времени. Почему же я сегодня здесь?

Потому что последнее время все мои передвижения вне университета тщательно отслеживаются отцом. А сегодня, впервые за много месяцев, выпал отличный шанс выйти куда-то из дома после девяти вечера. И я им воспользовалась. Уже жалею. Стараюсь подавить зевок, не открывая рот.

— Девушки, что вам заказать?

Мою щеку обдает горячим дыханием, и я дергаюсь и проливаю воду на свои черные джинсы. Стакан падает и разбивается, орошая пол мелким крошевом.

— Черт! — Выругавшись, встаю с барного стула и смотрю на свои мокрые ноги и поблескивающие в светодиодных огнях осколки.

Мокрое пятно почти незаметно на темной ткани в полутьме клуба, но во мне поднимается знакомая волна гнева. Вся эта ситуация кажется до жути узнаваемой. Словно я в ней уже бывала. Но я не знаколюсь в барах и не пью коктейли, купленные мне посторонними. Больше не пью.

— Нужно оплатить битую тару, — невозмутимо произносит бармен, бросая на нас быстрый взгляд.

— Без проблем.

Оплачу, заберу Василенко отсюда, даже если будет сопротивляться, и поедем по домам. Достаяю

карту из заднего кармана джинсов и кладу на барную стойку, когда поверх моей ладони ложится чужая рука. Опять дергаюсь. Не люблю, когда незнакомые люди меня касаются.

— Простите, я не хотел вас напугать, — спешно извиняется парень. — Тогда тем более позвольте вас угостить и оплатить ущерб. Хочу загладить свою вину.

Тошнит от этой показной вежливости.

— Убери руки.

Его ладонь исчезает с моей так же внезапно, как и появилась, но отставать он не планирует.

Вскидываю глаза на этого джентльмена и прищуриваюсь. Он длинный и очень худой. Русые выгоревшие волосы тщательно уложены, модная трехдневная щетина выбрита фигурно, и лицо, в общем-то, симпатичное. Только совершенно не в моем вкусе. На парне модные брендовые шмотки и на запястье дорогие часы. Футболка, правда, словно с чужого плеча — на пару размеров больше, и это не модный оверсайз. Да и сам он немного дерганый какой-то. Не похож на прожженного пикапера на охоте. Постоянно оглядывается на дружков, которые притихли и смотрят на нас как на зверюшек в цирке. Ждут представления.

Надя кокетливо поправляет прическу, явно собираясь продолжить это плохо спланированное знакомство, и расплывается в подбадривающей улыбке, от которой мне хочется закатить глаза.

— Шел бы ты... обратно к своим приятелям, — киваю на столик за его спиной. — Мы в благотворительности не нуждаемся.

— Белова! — не переставая улыбаться, шипит Надя и толкает меня локтем в бок. — Это она так шутит! Не обращай внимания.

— Неа, я не шучу. — Пожимаю плечами. — Послушали музыку? Теперь домой поехали.

— Но...

— Мы можем довезти вас, — приходит на помощь нашему джентльмену еще один. — Альберто как раз на колесах и не пил.

Вот этот уже другой сорт. Уверенный в своей неотразимости и в том, что ему мы точно не сможем отказать. Одежда на дохлике явно с его плеча.

— Простите, мальчики, но мы никого не ищем. Ни водителей, ни других сопровождающих. Попытайтесь вон с теми дамами, у них на лбу написано, что они пришли сюда не восхищаться вокальными данными солиста. Идем, Надь.

Тяну одnogруппницу за руку, но она все же умудряется вручить свой номер, спешно накорябанный на салфетке, этому самому Альберто.

— Белова, ты в универе просто божий одуванчик! Что за мегера сейчас чуть не покусала бедного Альберто? Кто в тебя вселился? Это ты так расстроилась из-за того, что парень перенервничал и случайно толкнул тебя? Да он полчаса собирался с духом, чтобы к нам подойти! — ворчит Надя уже на улице, пока мы пытаемся вызвать такси. — Я прям не узнаю тебя.

— Ты меня и не знаешь, — отвечаю тихо.

К нам одновременно подъезжает две машины такси. Одна желтая, другая белая. Я запоминаю номер той, в которую села Надя, и скидываю вместе со своим маме. Она прочитывает сообщение через пару секунд, несмотря на то, что время уже позднее.

«Хорошо погуляла, доча?»

«Все нормально, мам.
Еду домой.
Папе только не говори.
Спи».

Набираю ответ и закрываю мессенджер.

«Позвоню завтра»

— высвечивается на экране.

Оставляю непрочитанным.

Спустя двадцать минут я поднимаюсь в лифте на девятый этаж элитной многоэтажки. В квартиру, которая на данный момент считается моим домом. До восемнадцати лет я жила с мамой совсем в другом городе и спустя семь месяцев после переезда так и не привыкла к своей новой комнате. Она не моя. Дом этот моим никогда не будет, потому что хотя отец и поселил меня здесь, эта квартира принадлежит другому человеку.

Поворачиваю ключ в замке и вздыхаю с облегчением, только когда закрываю дверь с обратной стороны. Погуляла, называется. Нервы как канаты натянуты, и сердце грохочет с утроенной силой. Теперь в душ и спать, до утра осталось не так много времени.

— Где ты была? — раздается в темноте голос, и тут же в прихожей загорается яркий свет, ослепляя меня.

Сердце в груди дергается и на секунду останавливается. И совсем не потому, что от этого голоса по моей коже каждый раз бежит стадо мурашек. А потому, что его обладатель не моргнув глазом съест меня моему отцу и своей матери. Лишь бы я убра-

лась из его квартиры и ему не приходилось больше присматривать за мной.

Миша Чернов мой сводный брат и нянька поневоле. Почему-то ему мой отец доверяет в сто раз больше, чем собственной дочери.

— Гуляла. Извини, что забыла предупредить тебя, мамочка, — огрызаюсь, скидывая громоздкие белые кроссовки на пол.

Расстегиваю розовый объемный пуховик и запикиваю его в шкаф, внизу замечаю большую спортивную сумку и хмурюсь. Я рассчитывала, что сводный братец прикатит со своих сборов по футболу и игры только через пару дней, а мои ночные похождения останутся тайной. И для него, и для моего отца.

— Шмотки сменила и смелости сразу прибавилось? — хмыкает Чернов. — Поздновато для прогулок.

— Забыла спросить у тебя разрешения. А, нет... не забыла.

Щурюсь, прикрывая рукой глаза, разглядывая привалившегося плечом к косяку Мишу. Который (внезапно!) стоит без футболки, и я только сейчас это понимаю. Скольжу взглядом по кубикам пресса вверх к его грудным мышцам, на которых выбита татуировка. Размашистые крылья птицы с песочными часами посередине, через которые стекает песок. Она мне нравится, очень красивая работа, так и тянет рассмотреть ее поближе и прикоснуться. Чего я никогда в жизни не сделаю!

— Нравится? — нахально спрашивает Чернов, поймав меня за разглядываем.

Его светлая кожа покрыта каплями воды, словно он недавно вышел из душа. Мышцы бицепсов напря-

гаются, когда Чернов меняет расслабленную вальяжную позу, скрестив на груди руки, закрывая мне обзор.

Да, определенно мне нравится. Нравится настолько сильно, что в пальцах появляется зуд сейчас же взять карандаш и набросать на листке все, что я успела разглядеть.

Но он об этом не узнает.

— Кто? Ты? — приподнимаю брови и громко смеюсь, запрокинув голову.

Надеюсь, выходит натурально, а не как у актрисы из плохого ситкома.

Чернов мрачнеет и начинает двигаться.

Быстро, как хищник, который ждал в засаде, выслеживая свою добычу, а сейчас наконец-то вышел на охоту. Он загоняет меня в самый угол прихожей, потому что я вдруг поддаюсь его влиянию и пячусь, пока спина не касается стены.

Изо рта вырывается судорожный вздох, а кожа покрывается тысячами мелких мурашек. «Это из-за холода», — уверяю я себя. На мне лишь тонкая футболка, а стена, к которой виртуозно прижал меня Чернов, выходит в плохо отапливаемый подъезд.

— Ты тоже не нравишься мне, Белова, — произносит медленно и вкрадчиво Миша.

Чернов ставит руки по бокам от моей головы, нависая точно надо мной своей полуголой тестостероновой массой. В мозгу одна за одной вспыхивают картинки того, как в универе на нем виснут девчонки. Даже Надя каждую пару физкультуры вздыхает по этому футболисту, потому что он чертовски хорош собой. Чернов об этом прекрасно осведомлен и не менее прекрасно умеет этим знанием пользоваться.

Жить в одной квартире с ним было бы крайне опасно, если бы еще пару лет назад мы не выяснили, что совсем друг друга не волнуем. Миша так вообще относится ко мне с какой-то давящей неприязнью.

— Что ты делаешь? — произношу хрипло, выставляя перед собой руки.

Чернов перехватывает мои запястья одной ладонью, потом дергает на себя так, что я почти падаю, врезаясь в него, а затем приближается к моим губам.

Я замираю, широко распахнув глаза, обжигаясь о его горячую кожу.

Лицо Чернова прямо напротив моего. Из-за нашей разницы в росте ему приходится сгорбиться, и его нос задевает мой, запуская электрический разряд по моему позвоночнику. Рвано выдыхаю. Первый раз за полгода кто-то так близко и нагло вторгся в мое личное пространство, не спросив разрешения.

Настолько близко, что я чувствую запах его кожи и... своего геля для душа. Могу разглядеть каждую его ресничку и с удивлением обнаруживаю карее пятнышко, словно кляксу, на его голубой, как небо, радужке. Его зрачки расширяются, а мое сердце вдруг пускается в трусливый галоп.

— Миша... что ты... — разлепляю наконец свои онемевшие и пересохшие губы.

Чернов наклоняется еще ближе к моим приоткрытым губам и... принюхивается!

Мое лицо искажается, а Чернов, наоборот, улыбается, глядя мне прямо в глаза. У меня от этой улыбки переворачивается и скручивается в узел все нутро.

Придурок!

Разъяренно дергаюсь, жалко трепыхаюсь, пытаюсь вырваться из его рук. Только Миша уже сам меня отпустил, киношно подняв ладони вверх, показывая, что он больше не намерен меня трогать. Тру запястья, на которых остались полыхающие огнем красные кольца от его пальцев, и шиплю:

— Какого черта, Чернов?

Миша лишь улыбается. Победно и хищно. Смачивает свои губы быстрым движением языка и смотрит на меня, чуть опустив подбородок. Этот его взгляд... он меня убивает, разрывая на тысячи микро Кать.

— Сигареты и пиво? Или нет... сигареты и ром? — говорит Миша, привалившись плечом обратно к дверному косяку.

— Что?

— Что ты пила?

Я не пила ничего крепче минералки, которую при мне вскрыл бармен. Если бы у них не нашлось запечатанных бутылок, не стала бы пить вовсе, даже если бы умирала от жажды. Клуб, в который меня привела Надя, хоть и находился в подвальном помещении, но тем не менее имел в городе приличную репутацию и не был притоном.

Только я совершенно не намерена рассказывать обо всем этом Чернову. Он мне никто.

— Я должна тебе отчитываться? — Вскидываю вверх брови, копируя его позу. Руки на груди. Плечо к стене. Одна нога обвивает другую.

— Можешь отчитаться папаше. Он будет рад узнать, что его дочурка притащилась откуда-то в пять утра, пахнувшая, как дешевая кальянная.

Я нервно моргаю, когда он упоминает моего отца.

Мой папа... он сложный человек. Старой военной закалки и строгих взглядов на жизнь. И я наказана.

Мария Манви

Уже несколько месяцев подряд. Только недавно он, довольный моим поведением, сделал мне некоторые поблажки. Например, подарил новый телефон вместо конфискованного старого. Полностью новый. Без единого контакта.

— Ты не скажешь отцу, — медленно говорю я. — Иначе бы ты сейчас здесь передо мной не распи-
нался.

— Мне нравится смотреть, как ты дергаешься и бледнеешь от страха.

— Тебя я не боюсь.

— Это временно.

— Нет ничего более постоянного, чем временное.

— Завтра в универ не опаздывай, а то и сдавать тебя не придется. Первое правило помнишь? — резко произносит Чернов.

Разозленно киваю.

— Пока живи. И пошла отсюда.

Сжимая кулаки от досады, я слушаюсь. Не опуская глаз, прохожу мимо Чернова, сцепив зубы, но не могу удержаться от того, чтобы не продемонстрировать ему средний палец, помахав им прямо перед его носом.

Взбегаю по ступенькам к себе в спальню и слышу за спиной тихий смех.

Глава 2

Квартира, в которой я сейчас живу, двухуровневая. Никогда до этого не видела таких хором. Несколько спален, две ванны и три санузла, огромная кухня-гостиная, оснащенная по последнему слову техники, которой, кстати, никто до меня не пользовался.

У Чернова даже холодильник не был подключен. Понятия не имею, чем он питался раньше, до того момента, как мой заботливый отец подселил меня к своему любимому пасынку.

Достаю из холодильника залитую с вечера овсянку в контейнере и запикиваю в сумку. Для Миши ставлю на стол такую же. Он ее ненавидит и не ест, а я каждый раз ее делаю.

Одно из правил Чернова в его чертовом списке требований: не попадаться друг другу на глаза. С чем мы отлично справлялись до вчерашней стычки в прихожей. Мы живем с ним под одной крышей. Судя по тому, что продукты в холодильнике исчезают с регулярным постоянством, он ест мою еду. Но мы не пересекаемся. Совершенно.

Я ухожу в университет рано, пока Чернов шумит водой в своем душе, расположенном на первом этаже. Мы будто живем в параллельных вселенных.

Учимся мы на разных курсах, и наше расписание почти не совпадает, кроме одной-единственной пары по четвергам. Я стараюсь приходить домой либо сразу после пар, когда знаю, что у сводного брата футбол, либо совсем вечером, подолгу задерживаясь в университетской библиотеке. Это не от большой тяги к знаниям, мне просто там нравится. Чернова я совершенно не боюсь, мне просто так комфортно, словно живу одна. На второй этаж ко мне он не суется. Вход в мою спальню ему закрыт, как и мне в его. Это тоже одно из правил.

Да он немного чокнутый, вы не находите? Но кто идеален?

Натягиваю в прихожей сапоги и беру с вешалки пальто. Застыв с ним в руках, медленно поворачиваю голову в сторону спальни Чернова. В моей голове происходит щелчок и загорается лампочка, озаряя мозг светлой мыслью.

Как он вчера мог пахнуть моим гелем для душа, если тот стоит в моей ванной? Которая примыкает к моей комнате.

Тело реагирует странно. На спине выступают мелкие капельки пота. Внутри закручивается спираль паники.

Как он узнал, что меня нет в квартире? Заходил ко мне в спальню? Проверял? И все же доложил отцу?

По позвоночнику бежит холодок, и я сглатываю.

В комнате полно моих рисунков, лежат где попало. Я планировала несколько дней провести дома одна и не стала ничего убирать перед тем как отправиться с Надей на концерт. Они и сейчас разбросаны по моему письменному столу. Я не стесняюсь своего таланта, просто не хочу дать Чернову

еще один рычаг для власти надо мной, ведь почти на всех рисунках последнее время фигурирует он. Я не знаю, как так выходит, но, когда беру карандаш и пытаюсь сделать небольшой набросок, рука сама выводит его черты.

— Ты еще здесь, Белова?

Чернов появляется в коридоре и проходит мимо меня на кухню, оставляя на кафельном полу мокрые следы. Он босой, только что из душа, и опять не потрудился надеть на себя что-то кроме широких спортивных серых штанов, которые висят на его бедренных костях непростительно низко. Демонстрируя мне сначала его подкачанный, покрытый каплями воды пресс, а затем и две ямочки на поясице.

— Ты заходил ко мне в комнату, — говорю я спокойно, складывая руки на груди. — С какой стати?

Чернов останавливается у холодильника и, открыв его, несколько секунд изучает скудное содержимое. Злорадно ухмыляюсь: последние дни я ничего не готовила. А вторая порция овсянки, залитой греческим йогуртом и посыпанной семенами чиа, ему вряд ли понравится.

— Это моя квартира, где хочу, там и хожу. Еще вопросы?

— Технически это квартира твоей матери, — не удерживаюсь от ремарки.

За что получаю уничтожающий взгляд в свой адрес. Посылаю в ответ невинную улыбку. Только правда и ничего кроме правды.

— Могу вообще спать у тебя. У тебя удобный матрас.

— Спи на своем продавленном, меньше надо водить к себе всех без разбору, — фыркаю, вспоминая,